

ведет к пониманию социокультурного значения данной грамматической модели. Например, вопрос «Вы уже обсудили программу?» в переводе на английский язык может звучать как “*Have you discussed the programme yet?*” (для уточнения результата действия) или как “*Have you discussed the programme already?*” (для выражения удивления).

Этап тренировки направлен на формирование грамматического навыка в соответствии с нормами данного языка и культуры. Он предполагает выполнение упражнений на дифференциацию, имитацию, подстановку, трансформацию, репродукцию и комбинирование.

Упражнения на дифференциацию предназначены для обучения различению языковых явлений, формирования механизма выбора. Имитационные упражнения способствуют развитию механизма удержания в памяти изучаемого материала. Они предусматривают повторение без изменения заданной грамматической структуры. Упражнения на подстановку формируют механизмы конструирования по аналогии и предполагают замену вариантов изучаемого явления согласно ситуации общения. Трансформационные упражнения направлены на совершенствование механизмов грамматического конструирования и овладения навыками расширения, сокращения, замены грамматических структур. Репродукция завершает становление механизмов ассоциации между формальным и социокультурным значением изучаемого грамматического явления и предполагает самостоятельное употребление грамматической модели. Комбинирование совершенствует все указанные выше механизмы за счет переключения внимания с активизируемой модели на другую при условии их соединения в высказывании.

Этап применения на продуктивном уровне предусматривает включение грамматического материала в коммуникативную практику, проигрывание межкультурных ситуаций.

Заключение. Таким образом, в основе изучения грамматического явления лежит не столько его языковая форма, сколько его социокультурная функция и ее адекватная реализация в межкультурном дискурсе. Формирование грамматических навыков в контексте межкультурного образования означает владение грамматическими явлениями как грамматическими индикаторами для реализации коммуникативных намерений в межкультурном диалоге.

1. Маскальская, О.И. Грамматика текста / О.И. Маскальская. – М.: Высшая школа, 1981. – 183 с.

2. Ратмайр, Р. Лингвистические задачи изучения межкультурной коммуникации / Р. Ратмайр // Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1(3). – С. 182–197.

«РЕЧЬ ИВАНА МЕЛЕШКИ...»: ПРОБЛЕМНЫЕ МЕСТА В ТЕКСТАХ ДВУХ ПУБЛИКАЦИЙ XIX ВЕКА

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В исследованиях по истории народов изучение особенностей исторических путей формирования их языков занимает, пожалуй, главенствующую роль и всегда является актуальным. Практически все современные языковедческие школы и направления безоговорочно принимают антропоцентрический взгляд на язык, который заключается в признании того, что язык – это не какая-либо самостоятельная сущность, существующая вне человека и рассматриваемая как особый, самостоятельный объект реальности, а всеохватывающее отражение человеческого бытия. Человек непосредственно отражается в его речи, народ – в языке. И изучение языка, того или иного исторического периода, специфичности его отдельных структур и системы в целом – это, в широком смысле, исследование народа, создателя и носителя этого языка. Другого пути и способа, кроме как через язык, зафиксированный в различных исторических документах, полноценного диахронического изучения становления этноса, его мировосприятия, мировоззрения, политических взглядов, межличностных отношений, просто не существует. Поэтому каждый памятник письменности, который становится достоянием научной общественности, несет в себе неопределимый потенциал познания этноса, отраженного в языке. И в этом несомненная актуальность исторических лингвистических исследований различных текстов, созданных в эпоху формирования белорусской народности.

Одним из таких ценнейших для белорусского народа и белорусской науки памятников является текст, широко известный прежде всего историкам под названием «*Речь Ивана Мелешко*,

каштеляна смоленского, произнесенная на варшавском сейме 1589 г. в присутствии короля Сигизмунда III». Это документ уже неоднократно и широко изучался историками и литературоведами. Однако в центре внимания исследователей были, прежде всего, отразившиеся в нем социально-политические проблемы и литературоведческие особенности. Его языковая структура в системном плане все еще требует дополнительного внимания языковедов.

Цель данной работы – путем сопоставительного анализа языковой структуры двух изданий указанного памятника письменности попытаться уточнить некоторые проблемные вопросы истории его создания, роли и места в системе письменных памятников, отражающих историю формирования языка белорусской народности.

Материал и методы. Материалом исследования послужили польский вариант текста указанного документа, опубликованный в VIII томе работы Михала Вишневецкого «*Historia literatury polskiej*» (1851 г.) [1; 480–484], и кириллический вариант, опубликованный во 2 т. «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России» (1865 г.) под № 158 [2]. Анализ материала осуществлялся сопоставительным методом с привлечением метода исторической лингвистической реконструкции.

Результаты и их обсуждение. Несмотря на достаточно широкую известность анализируемого письменного памятника, его частое упоминание в научных и учебных изданиях по истории белорусской литературы, вопросов относительно авторства текста, истории, места и времени его создания, меньше не становится. Большинство исследователей признается, что текст документа следует считать анонимным, а указанная в развернутом по традициям средневековой литературы названии документа «фамилия» смоленского каштеляна (каштеляна) – Иван Мелешка – вымышлена. И в Смоленске такого каштеляна («коменданта», от латинск. *castellanus*, *castellum* – «маленький лагерь», «маленькая крепость» «маленький замок») никогда не было. Вероятнее всего, известное и распространенное сегодня название документа появилось гораздо позже написания самого текста и присвоено ему позднейшими издателями. В «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России», полное название рассматриваемого документа, представлено как «*Речь Ивана Мелешка, каштеляна Смоленскаго, произнесенная на Варшавском сейме въ присутствии короля Сигизмунда III, противъ покровительствуемаго Польскими королями влияния Немцевъ и Поляковъ на обычаи и приемы жизни въ Руси и Литве*».

Неустановленным следует считать и дату (время) написания этого произведения. Профессор Н.Ф. Сумцов, например, в монографии, напечатанной в «Киевской Старине» в 1894 г., высказывает мнение, что «*Речь Мелешки...*» – «литературное произведение, политический памфлет, составленный неизвестным лицом в конце XVI столетия, причем само имя автора может быть вымышленное, так как и ныне в Малороссии оно встречается в фамильных прозвищах иронического свойства, в значении пустомели» [3; 25]. Отсюда следует, что Мелешка – первоначально прозвище (а не фамилия) анонимного создателя текста. А если это так, то его следует писать с окончанием –а: Мелешка. (Именно такую форму мы и принимаем в нашем исследовании).

Известно также мнение, что текст был написан на 30–40 лет позже даты, указанной в польском издании: «*Прамова Мялешкі*» – ананімны сатырычны твор, складзены прыкладна каля 20–30-х гг. XVII ст. невяломым беларускім шляхціцам, добра знаёмым з палітычным жыццём і нормамаі каралеўскага двара» [4].

Какое из предположений все же ближе к истине, где, кем и когда написан этот широко известный специалистам текст? Для приближения к ответам на эти вопросы попробуем сравнить польский и кириллический варианты его издания.

М. Вишневецкий в небольшом предисловии к публикации «Речи Мелешки...» в 8 томе «Истории литературы польской» (1851 год) указывает, что его вариант текста извлечен из рукописей канцлера Хрептовича (умершего 4 марта 1812 г.), хранившихся в усадьбе последнего канцлера ВКЛ в Щорсах. Однако каким был язык документа из собрания Хрептовича, М. Вишневецкий не упоминает. По свидетельству Н.И. Прашковича, текст «Речи Ивана Мелешка» был впервые опубликован в 1819 году «в переводе на польский язык» Юлианом Немцевичем во 2 томе его «Собрания исторических памятников о давней Польше» [5; 314]. Но сравнив указанные даты, можно утверждать, что перевод Ю. Немцевича не мог попасть в рукописное собрание Хрептовича.

Первоначальный документ, вероятно, не имел оригинального титульного названия и начинался именно в эпистолярном стиле с обращения к адресату. И здесь в польском и российском изданиях наблюдаем заметные отличия. Так, в кириллическом варианте читаем «*Найясней(шій) милостивый король и на меня ласкавыя паны братія!*», где в слове *Найясней(шій)*, часть –шій подается в скобках. Так обычно поступают в случаях реконструкции или редакторской правки текста. В тексте, изданном М.Вишневым, это слово зафиксировано уже в исправленном виде: «*Nayiasnieyszy Milostywy Korolu...*».

В издании Михала Вишневого в названии анализируемого документа отсутствует имя Иван (Мелешка), что также может быть косвенным подтверждением первоначальности кириллического источника: употребление имени Иван самым непосредственным образом связывало текст с его восточнославянским авторством.

Заключение. Приведенные рассуждения и примеры дают возможность пока что косвенно предположить, что первоначальный текст «Речи...» был, вероятно, написан кириллицей на старобелорусском языке. И, следовательно, за исходный (более близкий к оригиналу) документ можно признать текст, опубликованный в «Актах» в 1865 году. Однако откуда составители «Актов...» взяли для публикации свой (кириллический) вариант документа – вопрос также все еще остающийся без ответа.

1. Michała Wiszniewskiego Historia literatury polskiej. Tom VIII. – Kraków, 1851. – 504 с.
2. Акты, относящиеся къ исторіи Южной и Западной Россіи", собранные и изданные археографическою комиссією. Томъ второй. – Санктпетербургъ, 1865. – С. 188.
3. Цит. по: Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. Том XIX / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – С.-Петербург, 1896. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rus-brokgauz-efron.slovaronline.com/80501-Мелешко>. – Дата доступа: 20.01.2022.
4. Старажытная беларуская літаратура [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://litera.belhistory.com/myaleshka.html>. – Дата доступа: 20.01.2022.
5. Прашкович, Н.И. «Прамова Мялешкі» і «Ліст да Абуховіча» – новы этап в історыі беларускай літаратуры / Н.И. Прашкович // Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); Отв. ред. Д.С. Лихачев. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – Т. XXIV – 415 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКОГО СЛОВАРЯ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

*М.В. Василькова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

В современном мире, где господствуют тенденции глобализации и интеграции, роль иностранных языков возрастает с каждым днем. В последние десятилетия стало очевидным, что для достижения эффективного межкультурного общения недостаточно владеть академическим материалом. Установлению коммуникации между носителями разных культур и языков мешает не только языковой барьер, но и культурный.

Лингвокультурная лексикография направлена на помощь в изучении культуры и истории страны через описание культурной составляющей значения лексических единиц. Эффективное межкультурное общение между адресатом и получателем возможно только в том случае, если оба коммуникатора не только владеют языком на высоком уровне, но и имеют представление о культуре, жизни и реалиях страны изучаемого языка, то есть, если участники общения имеют фоновые знания.

Одной из основных компетенций, которой должен овладеть каждый человек, изучающий иностранный язык, является коммуникативная компетенция. В структуру коммуникативной компетенции в свою очередь входит социолингвистическая компетенция. Под социолингвистической компетенцией подразумеваются знания и умения, необходимые для эффективного использования языка в социальном контексте. Концепт «социокультурная компетенция» играет наиважнейшую роль в межкультурной и межэтнической коммуникации. Его представленность в лексикографическом материале и является актуальным.

Целью нашей статьи является характеристика лингвострановедческого словаря как средства формирования социокультурной компетенции.

Материал и методы. При написании статьи мы опирались на труды таких именитых исследователей в области лингвострановедения, как Бархударова Л.С., Латышева Л.К., Масловой В.А.,